Пролог - Начало чего-то большего: 1 часть

«После смерти жизнь не заканчивается. Конец – это всего лишь начало»

«Никогда в своей ещё недолгой жизни не подумал бы, что смерть примет меня в свои жесткие, костлявые объятия столь неожиданно» – мысль, столь непривычно медленная, будто бы её схватила мерзко ухмыльнувшиеся тягучая тина, что даже и не помышляла о том, чтобы освободить её из своего цепкого хвата.

«Как же я жалок» – из уже холодных уст невольно вышел ироничный хмык, что тут же заставил молодого парня болезненно поморщиться, мысленно ругая себя за свою глупость.

«О, Где же мои хвалёные людьми манеры? Мне, наверное, нужно как следует представиться» – Простите, не сразу сообразил, ведь всё же, мне впервые довелось оказаться в столь неприятной и крайне необычной ситуацией. Если к таковым можно отнести, как быть проткнутым насквозь старой, насквозь ржавой арматурой, что была на диво острой для своих лет, уж поверьте мне.

Извините, но вы, к великому сожалению, не сможете насладиться моим, безусловно, мелодичным голосом. Так как пробитое железякой лёгкое, слегка, что было очень даже мягко сказано, затрудняет столь благородное дело. Так что вам придётся наслаждаться всего лишь моими, изобилующее красками и, возможно, вульгарными мыслями.

«Та-а-а-к, и с чего бы мне начать?» – будь у меня возможность, я бы почесал затылок, погружаясь в думы. Но, увы, ситуация не позволяет.

Ну, по всем неписаным канонам, наверное, начну с имени.

Звать меня Захарий Васильевич Смирнов. Для своих друзей и знакомых просто Захар.

Являюсь студентом третьего курса физико-технического университета по специальности, как ни странно, программист, или, по крайне мере, таковым числился до недавнего времени.

Двадцать полных лет, имею в наличии гриву хороших, но коротких волос цвета вороньего крыла, а из-за того, что глаза мои переели с избытком меланина, мои когда-то светло-голубые при рождении очи стремительно потемнели, почти сравнявшись в черноте с вихрем на моей голове.

Имею, по словам друзей женского пола, довольно симпатичное личико, с правильными чертами лицами. А в купе с бледностью, не та, что как у трупа, а настоящая аристократическая.

Слегка худощавая конституция дополняла картину – «Хрупкий мальчик» – которого, если

ветер слегка подует, унесет в дальние края.

А мечта накачать мышцу канула в лето, благодаря своему крайне быстрому метаболизму. Ну, зато я имел фантастическую способность много есть и не набирать ни грамма, что везде есть свои плюсы.

С моими внешними данными так и просится с языка сказать – Вампир! Да кинуть чеснока и приложить осиновым колом, чтоб наверняка. А от только прибывших девушек, что были настолько редки на этой профессии, что их было в пору заносить в красную книжку. От них следовал удар, что бил больнее деревяшки в сердце и имел скорее ментальный урон, чем физический. Стоило этим, ещё совсем юным умам только меня завидеть, как с их нежных губ слетало с придыханием заветное – «Эдвард».

«Насмотрятся всякого, а честным людям из-за этого потом страдать» – вспоминая, как меня тогда это выводило из душевного равновесия, просто не передать словами. Это только потом, уже на втором курсе, я чутка успокоился. Душевного покоя подобно монашьему я так и не смог достигнуть, но на безрыбье и то хлеб.

Но благо меня эта участь миновала среди моих друзей и знакомых. Что нарекли меня по-простому – «Бледный».

Дамой сердца, к сожалению, так и не смог обзавестись, ведь как говорил один человек:

«Учиться, учиться и ещё раз учиться!»

Времени на отношения не было от слова совсем. Поступив на бюджет в довольно престижный университет, единственная мысль, что завладела разум юного вампира, так это как бы не слететь со стипендии, что убило бы и так голодного программиста. Что подрабатывает по вечерам.

«Поэтому-то я так и не смог обзавестись по-настоящему близкими друзьями. Ведь времени у меня на подобное попросту не было» – воспоминания о жизни проносились словно киноплёнка, показывая каждый момент жизни.

Как я томными вечерами изучал язык программирования, а после проклинал великим и могучим на чём свет стоит всех известных богов, когда после нескольких часов, что были потрачены на выявления ошибки на мерзком участке кода, ошибка оказалось в лишним добавленном пробеле.

А что по родственникам? Ничего того, чего бы стоило внимания. Родители были обычными людьми, которых только можно встретить в почти любой семье.

Отца звали Василий Михайлович Смирнов, мужчина, уже с подступающей сединой волос, с

слегка грубыми чертами лица и крючковатым орлиным носом. Несмотря на свой уже пожилой возраст, был довольно энергичным, работал в близлежащем обувном заводе, принося большую часть денег в дом.

Он был довольно строгим человеком, и редко можно было увидеть, как на его лице играет не частая улыбка. Но он за этими слоями холодного льда всего лишь тщетно пытался скрыть ту самую теплоту, которыми горели его уже слегка потускневшие глаза, стоило только ему взглянуть на меня с мамой.

«Хах, как помню, когда мне было всего лет шесть, он привёл меня на свое рабочее место, спустя неделю моих упрашиваний, таки сдался он. И как я испортил один из образцов, стоило ему только на секунды отвлечься. О-о-о, сколько же ору было тогда» – слегка поддавшись пелене воспоминаний, начинают те проноситься передо мной, заставляя заново переживать их.

Хорошее было время…

Мама же, Ольга Александровна Смирнова, была его чуть ли не полной противоположностью.

На её лице, на котором уже начали появляться маленькие старческие морщинки, всегда играла нежная улыбка, что была свежее всяких первых утренних лучей солнца. Всегда мягкая, всегда добрая, в семье она была настоящим лучиком света, что согревал нас.

Особенно запомнился взгляд, что сиял голубым огнём. Какую бы шалость я не совершил, каких бы ошибок не наделал, на меня смотрели лишь с заботой, беспокойством и просто морем любви.

Ну, конечно, вместе с ним и прилагался и отцовский ремень, что какой приходил по моей филейной части, за все те косяки.

Необычайно мягкая и добрая мама и, с виду, словно покрытый железом, отец. Вместе они создавали, на удивление, очень гармоничную картину.

Воспоминания так и проносились с просто невероятной скоростью, заставляя на некоторых моментах смеяться до слёз, а другие, вынуждая эти же слёзы и проливать.

Но не будем о грустном.

Вы, наверное, задаётесь вопросом, что же делает нанизанный на металл где-то на заброшенной стройке программист, чья профессия по определению делает того домоседом?

Ответ в кроется в характере этого самого домоседа.

Я всегда любил погулять один ночью, особенно по таким страшным местам, где живая фантазия рисует каждой тени невероятные по своей уродливости лица, а каждые шорохи где-то за углом заставляют струны души ещё больше напрячься, словно сжатая пружина.

Мне довольно редко удавалось выбраться из своего плотного и забитого графика, где порой времени на что-то кроме работы с учёбой не оставалось ни на что. Так что такие дни особенно сильно ценились, ведь именно они позволяли выбраться из раздражающей до скрежета зубов рутины.

Гуляя как раз таки по одному из таких мест, что была уже давно заброшенная стройка, я смог каким-то боком навернуться на ровном месте.

Падая с края, кажется, третьего этажа недостроенного здания, единственной моей мыслю на тот краткий миг, была лишь – «Б*я» – кратко и ёмко.

А арматура оказалась очень даже сука острой, спешит доложить вам один любителей погулять.

Блеск.

И вот, глядя на ночной небосвод, усеянный множеством сияющими звёздами, один студент мечтал лишь о скорейшей смерти.

«Как же больно…» – лёгкие жгло так, словно выпил раскалённое железо, а за каждый вздох приходилось биться. Крупные ручьи моей, ещё не остывшей разгорячённой крови, образовали крупную красную лужу.

С каждой секундой всё больше отнимались конечности, и миг встречи с костлявой старухой с косой всё приближался.

– Возвращайся поскорее, мы будем ждать – сопровождая своего единственного ребёнка в другой город, обняло на прощание уже немолодая женщина. Смотря на него своими большими, мокрыми глазами, никак не могла отпустить она его в путь, всё ещё не веря, что её маленький сын успел так быстро вырасти.

Глава семейства же никак не выражал своих эмоций, лишь молча сопровождал взглядом своего отпрыска. Но один взгляд глаз смог заменить тысячи слов.

– Не волнуйтесь, не успеете моргнуть и глазом, как я вернусь – напоследок обняв родителей, начал идти черноволосый юноша к своему самолету. Сопровождаемый лишь любящим взглядом своих родителей

К горлу подкатил ком, а легкие сдавило словно в стальных тисках. На глазах ещё совсем

молодого парня начали наливаться слезы.

Не хочу умирать здесь, в грязном, абсолютном безлюдном месте, не имея даже возможности издать крик, ведь за место него выходил лишь сдавленный хрип.

– Не… хочу…ум…и…рать…

Продолжение следует…

Ну, что я могу сказать. Вот и первая глава старого-нового фанфика, который я вознамерился переписать.

Пожелайте мне удачи.

Жду ваших оценок.

http://tl.rulate.ru/book/59026/1510813